

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.7ЕС + 316.7 + 351.85

**К. М. Табаринцева-Романова
Т. В. Поспелова**

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: КОНЦЕПЦИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

В статье рассматриваются основные понятия культурного пространства, подробно анализируется концепция мультикультурализма. В работе кратко представлено появление изучаемого концепта в реализации европейской политики. Отмечаются основные характеристики и особенности данной концепции. Особая роль в исследовании отводится описанию связи между формированием европейской идентичности и идеями мультикультурализма. Далее представлены критика изучаемой концепции и пояснения отказа институтами ЕС от мультикультурализма как инструмента конструирования общеевропейского культурного пространства, а также объясняется переход к такой новой парадигме, как межкультурный диалог.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культурная политика ЕС, Европейский союз, культурное пространство, европейская идентичность.

Культурная политика ЕС является основой строительства общеевропейского культурного пространства, создание которого является необходимым не только для успешной, более глубокой интеграции, но и для сохранения единства Союза. Процесс «культурного строительства» имеет под собой определенный ценностный фундамент, необходимый для понимания логики любого аспекта культурной политики ЕС.

Стоит отметить, что на сегодняшний день существуют различные подходы к пониманию и интерпретации концепта «культурное пространство». Отечественный исследователь В. Л. Кургузов дает следующее комплексное определение данному понятию: «культурное пространство — это сложнейший территориально-исторически и демографически обусловленный, естественно-научный, философский социально-психологический, культурологический, этнологический конгломерат вещей, предметов, идей, ценностей, настроений, традиций, этических норм, эстетических, политических и социальных взглядов в определенной

культурной ситуации, проявляющейся в границах конкретного ареала и времени» [2]. Е. В. Орлова, ссылаясь на концепцию Й. Хейзинги об игровой природе культуры, утверждает, что «игра смыслов и составляет суть культурного пространства. Играя, человек не только осваивает и преобразовывает окружающую действительность, но и реализует потребность в собственной идентичности, творческой свободе и многом другом» [3]. Весьма подробный анализ концепта «культурное пространство» можно найти в статье Л. В. Пресняковой «Понятие “культурное пространство” в работах современных российских исследователей» [4].

Проанализировав различные определения и подходы, стоит добавить следующее: пространство — это субъективное ощущение, и в этом смысле оно неизмеряемо, хотя и воспринимается нами как самоочевидное. С этой точки зрения представляется удачным понимание сути культурного пространства как границы: именно на границе мы встречаемся с «Другим», в процессе взаимодействия производим самоидентификацию. И в этом случае пространство действительно подразумевает наличие «своего» и «чужого». К тому же пространство — это некая протяженность, на «территории» которой существует единая идентичность. Культурное пространство — место «обитания» идентичности.

Итак, поскольку в данной статье культура рассматривается в контексте международных отношений, мы анализируем концепцию культурного пространства с точки зрения социального конструктивизма, в котором одним из ключевых понятий является понятие идентичности. То есть культурное пространство — это виртуально конструируемая реальность, на границах которой постоянно самовоспроизводится идентичность в результате динамического процесса взаимодействия с другими реальностями. Свойство динамичности проявляется в том, что идентичность может возникать, меняться и исчезать. Культурное пространство, хотя и включает в себя материальные достижения культуры, остается виртуальным, является результатом своеобразного договора, разделения представлений о реальности, правил взаимодействия, системы ценностей и т. д. Культурное пространство — это место, где «живет» идентичность.

С точки зрения институтов ЕС успех интеграции зависит от того, как эта интеграция воспринимается и оценивается отдельными гражданами. Поэтому формирование европейской идентичности и общеевропейского культурного пространства рассматривается как одно из условий успешной и эффективной интеграции. Таким образом, конструирование и сохранение культурного единства и является основой культурной политики ЕС, поскольку последняя устанавливает основные цели и приоритетные направления развития культурного сектора. Как отмечает Т. Лахдесмаки, культурная политика ЕС имеет чрезвычайно важную функцию, будучи направленной на создание образов, впечатлений, культурных смыслов, чувств и эмоциональных связей. В соответствии с текущей политикой, чтобы воздействовать на эмоциональную сферу граждан ЕС, в их основу закладываются такие понятия, как «чувство принадлежности к ЕС», «европейская идентичность» и «общее наследие» [7, 2].

Идея европейской идентичности, вокруг которой конструируется общее культурное пространство ЕС, базируется на следующей идее: все европейские народы,

при всем своем разнообразии, обладают общим культурным наследием, которое необходимо сохранять. Эта идея, в частности, отображена в рассмотренной статье Лиссабонского договора и документально является основой современной культурной политики ЕС. Примером работы ЕС по развитию «европейского гражданства» в рамках культурной политики является программа «Европа для граждан» (2007–2013).

Здесь необходимо отметить, что, говоря о «европейской идентичности», мы должны быть очень точны. В широком понимании чувство европейской идентичности — это осознание человека себя европейцем. Культурная политика ЕС направлена в первую очередь на развитие именно чувства принадлежности граждан к ЕС, или «европейского гражданства», то есть осознание ими себя в качестве граждан ЕС, принадлежащих к единому политическому полю. Анализируя культурную политику ЕС, мы будем употреблять понятие «европейская идентичность» именно в таком, более узком смысле. При этом мы должны отметить, что культурная составляющая из данного понятия не исчезает: имея одной из своих целей формирование идентичности европейского гражданства; на пути ее достижения культурная политика ЕС задействует маркеры европейской идентичности в более широком значении, делая упор на общее культурное наследие и историю европейцев.

В частности, С. Борг и Т. Диес отмечают, что понятия «европейская идентичность» и «европейские ценности» были задействованы в качестве противовеса негибкой национальной идентичности. В качестве примера они приводят заявления, сделанные В. Редингом, бывшим комиссаром ЕС по вопросам правосудия, основных прав и гражданства в 2010 г., осуждающим депортацию французами народа рома. Рединг ясно дал понять, что выделение цыган для депортации представляет собой разрыв с фундаментальными европейскими ценностями [5, 145].

Идея «европейского наследия» в культурной политике ЕС призвана усилить чувство европейской идентичности, коллективной памяти. Проблема состоит в том, что в странах-членах одно только понимание того, что такое «европейское наследие», различается от государства к государству. Тем не менее Т. Лахдесмаки отмечает, что «европейское наследие» — это политический проект ЕС не просто по продвижению культурного наследия в ЕС, но по продвижению идеи того, что оно является разделяемым, общим [7, 766].

Проблема культурного разнообразия, с которой сталкивается ЕС на пути формирования общеевропейского культурного пространства, имеет два аспекта. Прежде всего, это культурное разнообразие внутри Европы, и конструирование европейской идентичности с упором на общую историю и культурное наследие является уместным. Так, исследователь М. А. Авилова пишет: «На протяжении всей истории развития Европа, ограниченная в территории и сырьевых ресурсах, была вынуждена приспособливаться к высокой плотности населения, успешно применяя на практике идеи, впоследствии положенные в основу интеграции: правовое государство, многовековой опыт совместного проживания народов, культурная общность и религиозная схожесть...» [1, 282].

Как уже было сказано, в политике формирования сплоченного европейского общества за основу формирования европейской идентичности и общеевропейского

культурного пространства фактически взято европейское восприятие культуры, истории, ценностей. Однако такой европоцентричный подход не принимал во внимание наличие феномена «столкновения цивилизаций» в культуре, который особо остро проявлялся в период включения мигрантов из мусульманских стран в европейское общество. Мы приходим к выводу, что при реализации культурной политики не учитывался такой фактор, как рост числа мигрантов и их потомков, принадлежащих другой цивилизационной культуре — мусульманской, и не предполагалось мер, чтобы избежать потенциального культурного раскола. В государствах, где возникла проблема «бархатного занавеса культуры», был использован такой подход к построению отношений в мультикультурном обществе, как мультикультурализм (Великобритания, Нидерланды, Германия, Франция и т. д.).

Таким образом, наравне с общей политизацией культуры политизируется и понимание термина «культурное пространство». Строительство общего европейского культурного пространства и европейской идентичности рассматривается ЕС как одно из важных направлений работы для достижения успеха процесса интеграции. Культурная политика ЕС в настоящий момент — это основной инструмент конструирования такого пространства вокруг европейской гражданской идентичности. С одной стороны, культурная политика ЕС долгое время учитывала национальное и региональное разнообразие стран-членов ЕС и делала упор на общую историю и культурное наследие. Тем не менее в свете актуальных процессов миграции такой подход сталкивается с проблемой возникновения «бархатного занавеса культуры» по С. Хантингтону, который, будучи своего рода демаркационной линией, не позволяет интегрироваться представителям совершенно другой цивилизационной культуры в европейское культурное поле. Это, в свою очередь, порождает раскол внутри самих европейских государств.

При рассмотрении строительства общеевропейского культурного пространства в условиях кризиса модели построения межкультурных отношений в рамках мультикультурализма нас интересует, какие меры на уровне культурной политики ЕС стали реакцией на этот кризис, а также какая модель поведения была сформирована с учетом недостатков предыдущей модели. Понимание истоков и сути концепции мультикультурализма, особенно в том виде, в котором фактически она существовала в государствах ЕС, необходимо, чтобы выделить причины кризиса данной модели в ЕС и проследить изменения в культурной политике ЕС, ставшие ответом именно на этот кризис.

Как отмечает В. Брэдли, не существует единого определения для такого понятия, как «мультикультурализм». Это объясняется тем, что концепция мультикультурализма неоднозначна и неоднородна, существуют различные модели мультикультурализма и уровни его понимания [6, 1]. Мультикультурализм в Европе — явление, которое можно объяснить, по сути, историей миграционных процессов в Европе. С XIX в. Европа была местом беспрецедентной массовой миграции, которая развивалась на протяжении веков: начиная от передвижений интеллектуальной элиты, затем — ремесленников, чуть позже — неграмотных крестьян, наконец, заканчивая современными глобальными миграциями, обусловленными экономическими причинами. Своего рода «предвзятое» отношение

европейских народов к другим культурам имеет глубокие исторические корни: так, еще в древнегреческой культуре Европа выступает против Азии не только как географическое образование, но и как комплекс ценностей, культурной и политической идентичности.

Дискуссии о мультикультурализме получили развитие в странах с большим числом иммигрантов. «Пионерами» стали Канада и Австралия, где мультикультурализм явился государственной политикой в 60–70-е гг. (что было связано не только с новой иммиграцией, но и с давлением старой иммиграции начала XX в.). Такой мультикультурализм характеризуется как «либеральный», связанный с расширением индивидуальных прав [9, 181–182]. Затем адептами идеи стали США, Британия и, наконец, страны Западной Европы (середина 90-х гг.). Хотя идея мультикультурализма получила, таким образом, популярность среди государств, нуждавшихся в решении проблем, связанных с фрагментацией общества, отсутствовало однозначное и единое понимание мультикультурализма. Мультикультурализм стал «концепцией-зонтиком». Его многозначность может рассматриваться как одна из причин ее успеха в распространении и адаптации к различным современным задачам в либеральных и универсалистских обществах; но в то же время это его слабость.

Интерес к мультикультурализму в Европе проявился на уровне национальных государств, которые столкнулись с необходимостью включения в общество иммигрантского населения. Приток новых людей, мигрантов, осуществляется за счет беженцев, легальных и нелегальных иммигрантов. По последним данным, представленным Европейской комиссией, больше всего людей в начале XXI в. принимают Великобритания, Италия, Германия, Австрия, Франция, Греция, Испания; их чаще выбирают страной резидентства. Большинство получивших гражданство являются выходцами из Марокко, Индии, Турции, Колумбии, Албании, Эквадора, Пакистана, Ирака, Перу и Нигерии¹. Большинство беженцев прибывают с Ближнего Востока и Северной Африки. Не нужно забывать и о внутренней миграции внутри ЕС.

Если рассматривать мультикультурализм как политико-административную практику или как определенную систему мер, предпринимаемых государством с целью поддержания культурного разнообразия, то выясняется, что институционализированный мультикультурализм, то есть закрепленный на законодательном уровне и воплощенный в соответствующих институтах, существует лишь в Канаде и Австралии.

В качестве примера использования концепции мультикультурализма можно привести политику Нидерландов и Великобритании: они традиционно рассматриваются как «пионеры» мультикультурализма ЕС, особенно в отношении политики, направленной на интеграцию иммигрантов и групп меньшинств. Например, вплоть до середины 90-х гг. голландские школы вели занятия для представителей

¹ Подробнее см.: Immigration in the EU [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/e-library/docs/infographics/immigration/migration-in-eu-infographic_en.pdf (accessed: 15.12.2016).

этнических меньшинств на их родном языке, создали отдельную, финансируемую государством школьную систему для меньшинств. В рамках политики по отношению к этническим меньшинствам были также предусмотрены меры оказания помощи целевым группам в плане приспособления к жизни общества, доступа к различным возможностям самореализации.

Итак, в данном случае мультикультурализм стал представлять собой такую политику (по крайней мере, на уровне политической риторики), при которой принимающее общество или общество большинства должно признать другую культуру и культурную группу и принять ее как равную. Согласно В. Брэдли данная мультикультурная модель является альтернативой ассимиляции [6, 6], из чего следует очень важный вывод: европейский мультикультурализм в том виде, в котором он существовал все это время и в котором уже долгое время подвергается критике, не предполагал изменения идентичности культурных групп, даже в результате диалога. Предполагалось, что политическое признание является достаточным условием для успешного сосуществования культурных групп. У. Кимлика также приводит перечень политических мер, принимаемых в рамках концепции мультикультурализма относительно трех групп — национальных, субнациональных групп и иммигрантов [10, 14–15]. Несколько институциональных целей являются индикаторами мультикультурной политики: предоставление возможностей для репрезентации групп местному и национальному правительству; реструктуризация институтов в сторону предоставления услуг всем слоям населения; осуществление мер, способствующих обеспечению равенства, росту взаимоуважения и толерантности, обеспечению ресурсами для поддержания воспроизведения традиций и идентичностей среди групп иммигрантов (в противоположность ассимиляции).

Хотя мы указали, что политика мультикультурализма соотносится с необходимостью сосуществования любых культурных групп, в случае европейских государств акцент явно был смещен в сторону необходимости включения в жизнь иммигрантского населения неевропейского происхождения, в то время как субнациональные группы и меньшинства находились в рамках «европейского культурного разнообразия».

Хотя политика мультикультурализма не заставляла эти группы ассимилироваться и предполагала защиту их интересов и идентичностей, то есть их сосуществование наравне с представителями культуры принимающего сообщества, она была достаточно сильно раскритикована и стала рассматриваться как одна из причин маргинализации населения, представляющего другую культуру.

Мультикультурализм в Европе стал восприниматься как кризисная модель управления обществом. Один из исследователей мультикультурализма, С. Мишра, называет его «политикой прошлого»: «Он может рассматриваться как структура контроля для управления меньшинствами без изменения идентичности группы большинства (которая обычно представлена “белыми”)». Признание меньшинства в данном случае рассматривается как самодостаточная мера, однако она не является таковой, и требуется принятие дополнительных мер [6, 2].

Мультикультурализм был раскритикован с двух позиций. С одной стороны, за то, что он несет «тиранию политкорректности» и ведет к ограничению свободы

слова и мысли, ведет к этническому сепаратизму и несомненному отрицанию национальных ценностей, недостатку интереса к социальной интеграции, отрицанию общих ценностей; отрицает социальные проблемы, связанные с мигрантами и меньшинствами; не дает говорить о проблемах честно; поощряет культурные практики, нарушающие права и свободы человека; является пристанищем для террористов [11, 14].

С другой стороны, Европу обвиняли в исламофобии; приписывали ей страх создания настоящего мультикультурного общества. Европа требует от мусульман быть «мусульманами Европы» (принять такие гражданские ценности, как индивидуализм, демократия) и в то же время постоянно напоминает им, что они «мусульмане в Европе» (делая акцент на своем иудейско-христианском культурном наследии и противопоставляя его мусульманскому миру) [8, 113].

Еще до заявлений Д. Кэмерона, А. Меркель и Н. Саркози в 2010–2011 гг. о провале политики мультикультурализма (заявления указанных политиков, как правило, рассматриваются как официальный отказ от концепции мультикультурализма и признание ее несостоятельности) концепт мультикультурализма уже был дискредитирован. Он стал ассоциироваться с провальной политикой, но политики не хотели ассоциироваться с данной идеей. Одним из ярких примеров этого явления стало высказывание, сделанное в начале 2000-х гг. министром внутренних дел Британии Д. Бланкеттом: «Министр больше никогда не будет использовать слово на букву “М”. В случае Британии на ситуацию повлияли межэтнические беспорядки на северо-востоке страны в 2001 г.

Повлиял на ситуацию и общий политический фон в Европе. Во-первых, в период с 2004 по 2007 г. в ЕС вступили 12 государств, что выдвинуло на передний план проблемы более глубокой внутренней европейской интеграции: это касалось необходимости в общем понимании европейских ценностей, культуры, а также активного вовлечения граждан в процессы интеграции в Европе, в реализацию европейских проектов. Однако этот период также связан с экономическим кризисом и преодолением его последствий в Европе, которые напрямую повлияли на жизнь европейских граждан. На фоне растущего успеха правых популистских движений на выборах в Европе, поставивших под вопрос выгоды европейской интеграции, для ЕС стало важным продемонстрировать те дополнительные преимущества, которые дает ЕС, а также учесть то, что беспокоит граждан.

Таким образом, проблема интеграции мигрантов в государствах ЕС, столкнувшихся с миграцией, в культурной сфере решалась главным образом через продвижение идеи мультикультурализма, который позволял сосуществовать представителям различных культур, обладая равными на то правами и не ассимилируясь в сообщество большинства. Тем не менее мультикультурализм подвергся широкой критике, а его кризис стал ассоциироваться с провалом включения мигрантов в принимающее сообщество. В итоге стала очевидной необходимость поиска путей выхода из данного тупика. Новой альтернативой стало появление концепции «межкультурного диалога», который рассматривается как средство, которое помогло бы избежать конфликтов, а также, что немаловажно, противостоять маргинализации отдельных групп граждан на основе их культурной идентичности.

Таким образом, центральным индикатором процессов интеграции и политического, социального и экономического развития является создание в Европе культурного пространства, на формирование которого сильно влияют многие факторы, в том числе расширение ЕС, рост миграции, активизация правых партий. Культурное пространство ЕС можно определить как единую систему приоритетных ценностей, стереотипов, образа жизни и моральных и духовных норм, характерных для всех слоев европейских стран. Европейские лидеры были вынуждены отказаться от концепции мультикультурализма, поскольку она базировалась на политическом признании и гарантии сохранения различных культурных групп без их ассимиляции. Новая концепция в отличие от концепции мультикультурализма, направленная на усиление социальной сплоченности — «межкультурный диалог», нацелена на установку связей и определение точек соприкосновения между различными культурами, сообществами и народами, основываясь на взаимопонимании и взаимодействии.

-
1. *Авилова М. А.* Европейская интеграция: от истории к современности // Научные ведомости. Сер. : История. Экономика. Политология. Информатика. 2012. № 7. С. 279–284.
 2. *Кургузов В. Л.* О понятии «культурное пространство» и проблеме самоидентификации его регионального образца // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии. Улан-Удэ, 2002. С. 24–28.
 3. *Орлова Е. В.* Культурное пространство: определение, специфика, культура [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. URL: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/589-cultural-space-structure-determination-of-specificity.html> (дата обращения: 28.03.2017).
 4. *Преснякова Л. В.* Понятие «культурное пространство» в работах современных российских исследователей // Вестн. РГГУ. 2013. № 7. С. 56–64.
 5. *Borg S., Diez T.* Postmodern EU? Integration between Alternative Horizons and Territorial Angst // JCMS. 2016. Vol. 54, № 1. P. 136–151.
 6. *Bradley W.* Is There a Post-Multiculturalism? // Afrasian Research Centre, Ryukoku University, Shiga, Japan. 2009. P. 32.
 7. *Lähdesmäki T.* Politics of affect in the EU heritage policy discourse: an analysis of promotional videos of sites awarded with the European Heritage Label // International Journal of Heritage Studies. 2017. P. 1–14.
 8. *Marranci G.* Multiculturalism, Islam and the clash of civilisations theory: rethinking Islamophobia [Electronic resource] // Culture and Religion: An Interdisciplinary Journal. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/0143830042000200373> (accessed: 30.03.2017).
 9. *Nasar Meer & Tariq Modood* How does Interculturalism Contrast with Multiculturalism? // Journal of Intercultural Studies. Vol. 33, № 2. P. 181–182.
 10. *Ponzini D.* Governing urban diversity? // European Cultural Foundation. Milano, 2009. P. 86.
 11. *Vertovec S., Wessendorf S.* Assessing the backlash against multiculturalism in Europe. MMG Working Papers Print. Göttingen, 2009. P. 39.

Рукопись поступила в редакцию 2 сентября 2017 г.